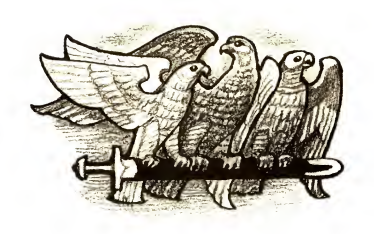
КНИГА ЗА КНИГОЙ

Три богатыря

Издательство «Детская литература»

ТРИ БОГАТЫРЯ

Былинные сказы

Пересказал для детей
А. Н. Нечаев

Рисунки
И. Д. Архипова

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1979

РФ
Т67

СОДЕРЖАНИЕ

Т67 **Три богатыря:** Былинные сказы / Пересказал для детей А. Н. Нечаев; Рис. И. Д. Архипова. — М.: Дет. лит., 1979. — 64 с., ил. (Книга за книгой). 15 коп.

Русские былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, пересказанные для детей советским писателем-фольклористом А. Н. Нечаевым.

РФ

Т $\frac{70802-473}{М101(03)79}$ 202—79

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

БОЛЕЗНЬ И ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ

Возле города Мурома в пригородном селе Карачарове у крестьянина Ивана Тимофеевича да у жены его Ефросиньи Поликарповны родился долгожданный сын. Немолодые родители рады-радёхоньки. Собрали на крестины гостей со всех волостей, раздёрнули столы и завели угощенье — почестен пир. Назвали сына Ильёй. Илья, сын Иванович.

Растёт Илья не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымается. Глядят на сына престарелые родители, радуются, беды-невзгоды не чувствуют. А беда нежданно-негаданно к ним пришла. Отнялись у Ильи ноги резвые, и парень-крепыш ходить перестал. Сиднем в избе сидит. Горюют родители, печалятся, на убогого сына глядят, слезами обливаются. Да чего станешь делать? Ни колдуны-ведуны, ни знахари недуга излечить не могут. Так год минул и другой прошёл. Время быстро идёт, как река течёт. Тридцать лет да ещё три года недвижимый Илья в избе просидел.

В весеннюю пору ушли спозаранку родители пал палить[1], пенья-коренья корчевать, землю под новую пашню готовить, а Илья на лавке дубовой сидит, дом сторожит, как и раньше.

Вдруг: стук-бряк. Что такое? Выглянул во двор, а там три старика — калики перехожие[2] стоят, клюками в стену постукивают:

— Притомились мы в пути-дороге, и жажда нас томит, а люди сказывали, есть у вас в погребе брага пенная, холодная. Принеси-ка, Илеюшка, той браги нам, жажду утолить да и сам на здоровье испей!

— Есть у нас брага в погребе, да сходить-то некому. Недужный я, недвижимый. Резвы ноги меня не слушают, и я сиднем сижу тридцать три года,— отвечает Илья.

— А ты встань, Илья, не раздумывай,— калики говорят.

Сторожко Илья приподнялся на ноги и диву дался: ноги его слушаются. Шаг шагнул и другой шагнул... А потом схватил ендову[3] полуведёрную и скорым-скоро нацедил в погребе браги. Вынес ендову на крыльцо и сам себе не верит: «Неужто я, как все люди, стал ногами владеть?»

Пригубили калики перехожие из той ендовы и говорят:

— А теперь, Илеюшка, сам испей!

Испил Илья браги и почувствовал, как сила в нём наливается.

---

[1] Пал — пожог; пал палить — сжигать срубленные деревья.

[2] Кали́ки перехожие — странники.

[3] Ендова́ — широкий сосуд с отливом (открытым носком) для кваса, пива, вина.

— Пей, молодец, ещё,— говорят ему странники.

Приложился к ендове Илья другой раз. Спрашивают калики перехожие:

— Чуешь ли, Илья, перемену в себе?

— Чую я в себе силу несусветную,— отвечает Илья.— Такая ли во мне теперь сила-могучесть, что, коли был бы столб крепко вбитый, ухватился бы за этот столб и перевернул бы землю-матушку. Вот какой силой налился я!

Глянули калики друг на друга и промолвили:

— Испей, Илеюшка, третий раз!

Выпил Илья браги третий глоток. Спрашивают странники:

— Чуешь ли какую перемену в себе?

— Чую, силушки у меня стало вполовинушку! — отвечал Илья Иванович.

— Коли не убавилось бы у тебя силы,— говорят странники,— не смогла бы тебя носить мать сыра земля, как не может она носить Святогора-богатыря. А и той силы, что есть, достанет с тебя. Станешь ты самым могучим богатырём на Руси, и в бою тебе смерть не писана. Купи у первого, кого завтра встретишь на торжище, косматенького неражего[1] жеребёночка, и будет у тебя верный богатырский конь. Припаси по своей силе снаряженье богатырское и служи народу русскому верой и правдой.

Попрощались с Ильёй калики перехожие и скрылись из глаз, будто их и не было.

А Илья поспешает родителей порадовать. По рассказам знал, где работают. Старики пал спалили да и притомилися, легли отдохнуть. Сын будить, тревожить отца с матерью не стал. Все пенья-

[1] Нера́жий — здесь: невидный.

коренья сам повыворотил да в сторону перетаскал, землю разрыхлил, хоть сейчас паши да сей.

Пробудились Иван с Ефросиньей и глазам не верят: «В одночасье наш пал от кореньев, от пеньев очистился, стал гладкий, ровный, хоть яйцо кати. А нам бы той работы на неделю стало!» И пуще того удивились, когда сына Илью увидели: стоит перед ними добрый молодец, улыбается. Статный, дородный, светлорадостный. Смеются и плачут мать с отцом.

— Вот-то радость нам, утешение! Поправился наш ясен сокол Илеюшка! Теперь есть кому нашу старость призреть!

Рассказал Илья Иванович про исцеление, низко родителям поклонился и вымолвил:

— Благословите, батюшка с матушкой, меня богатырскую службу нести! Поеду я в стольный Киев-град, а потом на заставу богатырскую, нашу землю оборонять.

Услышали старики такую речь, опечалились, пригорюнились. А потом сказал Иван Тимофеевич:

— Не судьба, видно, нам глядеть на тебя да радоваться, коли выбрал ты себе долю воина, а не крестьянскую. Не легко нам расставаться с тобой, да делать нечего. На хорошие дела, на службу народу верную мы с матерью даём тебе благословение, чтоб служил, не кривил душой!

На другое утро раным-рано купил Илья жеребёнка, недолетка косматого, и принялся его выхаживать. Припас все доспехи богатырские, всю тяжёлую работу по хозяйству переделал.

А неражий косматый жеребёночек той порой вырос, стал могучим богатырским конём.

Оседлал Илья добра коня, снарядился сам в доспехи богатырские, распростился с отцом, с матерью и уехал из родного села Карачарова.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Раным-рано выехал Илья из Мурома, и хотелось ему к обеду попасть в стольный Киев-град. Его резвый конь поскакивает чуть пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего. И скорым-скоро подъехал богатырь ко городу Чернигову. А под Черниговом стоит вражья сила несметная. Ни пешему проходу, ни конному проезду нет. Вражьи полчища ко крепостным стенам подбираются, помышляют Чернигов полонить-разорить. Подъехал Илья к несметной рати и принялся бить насильников-захватчиков, как траву косить. И мечом, и копьём, и тяжёлой палицей[1], а конь богатырский топчет врагов. И вскорости прибил, притоптал ту силу вражью, великую.

Отворялись ворота в крепостной стене, выходили черниговцы, богатырю низко кланялись и звали его воеводой в Чернигов-град.

— За честь вам, мужики-черниговцы, спасибо, да не с руки мне воеводой сидеть в Чернигове,— отвечал Илья Иванович.— Тороплюсь я в стольный Киев-град[2]. Укажите мне дорогу прямоезжую!

— Избавитель ты наш, славный русский богатырь, заросла, замуравела прямоезжая дорога в Киев-град. Окольным путём теперь ходят пешие и

[1] Па́лица — боевая дубина.

[2] Сто́льный град — главный город в княжестве, в государстве.

ездят конные. Возле Чёрной Грязи, у реки Смородинки, поселился Соловей-разбойник, Одихмантьев сын. Сидит разбойник на двенадцати дубах. Свищет злодей по-соловьему, кричит по-звериному, и от посвиста соловьего да от крику звериного трава-мурава пожухла вся, лазоревые цветы осыпаются, тёмные леса к земле клонятся, а люди замертво лежат! Не езди той дорогой, славный богатырь!

Не послушал Илья черниговцев, поехал дорогой прямоезжею. Подъезжает он к речке Смородинке да ко Грязи Чёрной.

Приметил его Соловей-разбойник и стал свистать по-соловьему, закричал по-звериному, зашипел злодей по-змеиному. Пожухла трава, цветы осыпались, деревья к земле приклонилися, конь под Ильёй спотыкаться стал. Рассердился богатырь, замахнулся на коня плёткой шелкóвой.

— Что ты, волчья сыть[1], травяной мешок, спотыкаться стал? Не слыхал, видно, посвисту соловьего, шипу змеиного да крику звериного?

Сам схватил тугой лук разрывчатый и стрелял в Соловья-разбойника, поранил правый глаз да руку правую чудовища, и упал злодей на землю. Приторочил богатырь разбойника к стремени и повёз Соловья по чисту полю мимо логова соловьего. Увидали сыновья да дочери, как везут отца, привязана ко стремени, схватили мечи да рогатины, побежали Соловья-разбойника выручать. А Илья их разметал, раскидал и, не мешкая, стал свой путь продолжать.

Приехал Илья в стольный Киев-град, на широкий двор княжеский. А славный князь Владимир —

---

[1] Сыть — еда, корм.

Красно Солнышко с князьями подколенными[1], с боярами почётными да с богатырями могучими только что садились за обеденный стол.

Илья поставил коня посреди двора, сам вошёл в палату столовую. Он крест клал по-писаному, поклонился на четыре стороны по-учёному, а самому князю великому во особицу.

Стал князь Владимир выспрашивать:

— Ты откуда, добрый молодец, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

— Я из города Мурома, из пригородного села Карачарова, Илья Муромец.

— Давно ли, добрый молодец, ты выехал из Мурома?

— Рано утром выехал из Мурома,— отвечал Илья,— хотел было к обедне поспеть в Киев-град, да в дороге, в пути призамешкался. А ехал я дорогой прямоезжею мимо города Чернигова, мимо речки Смородинки да Чёрной Грязи.

Насупился князь, нахмурился, глянул недобро:

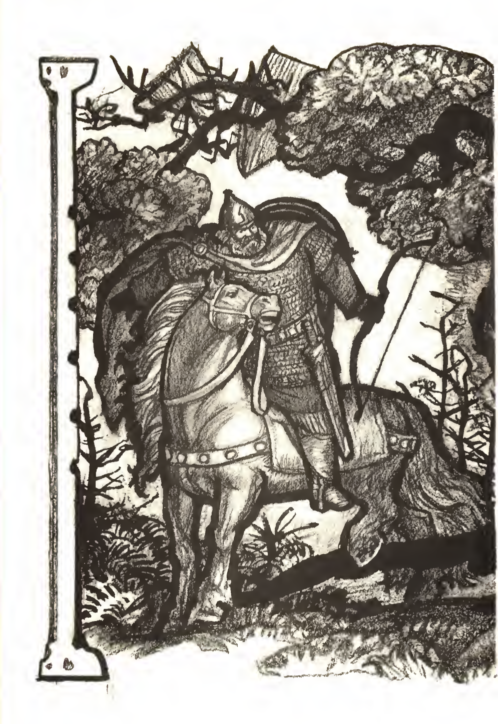
— Ты, мужик-деревенщина, в глаза над нами насмехаешься! Под Черниговом стоит вражья рать — сила несметная, и ни пешему, ни конному там ни проходу, ни проезду нет. А от Чернигова до Киева прямоезжая дорога давно заросла, замуравела. Возле речки Смородинки да Чёрной Грязи сидит на двенадцати дубах разбойник Соловей, Одихмантьев сын, и не пропускает ни пешего, ни конного. Там и птице-соколу не пролететь!

Отвечает на те слова Илья Муромец:

— Под Черниговом вражье войско всё побито-повоёвано лежит, а Соловей-разбойник на

---

[1] Подколе́нный — здесь: подначальный.

твоём дворе пораненный, к стремени приторочённый.

Из-за стола князь Владимир выскочил, накинул кунью шубу на одно плечо, шапку соболью на одно ушко и выбежал на красное крыльцо. Увидел Соловья-разбойника, к стремени приторочённого:

— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему, закричи-ка, собака, по-звериному, зашипи, разбойник, по-змеиному!

— Не ты меня, князь, полонил, победил. Победил, полонил меня Илья Муромец. И никого, кроме него, я не послушаюсь.

— Прикажи, Илья Муромец,— говорит князь Владимир, — засвистать, закричать, зашипеть Соловью!

Приказал Илья Муромец:

— Засвищи-ка, Соловей, во полсвисту соловьего, закричи во полкрика звериного, зашипи во полшипа змеиного!

— От раны кровавой,— Соловей говорит,— мой рот пересох. Ты вели налить мне чару зелена вина, не малую чару — в полтора ведра, и тогда я потешу князя Владимира.

Поднесли Соловью-разбойнику чару зелена вина. Принимал злодей чару одной рукой, выпивал чару за единый дух. После того засвистал в полный свист по-соловьему, закричал в полный крик по-звериному, зашипел в полный шип по-змеиному. Тут маковки на теремах покривилися, а околенки[1] в теремах рассыпались, все люди, кто был на дворе, замертво лежат. Владимир-князь стольно-киевский куньей шубой укрывается да окарачь[2] ползёт.

---

[1] Око́ленки — оконная рама, оконный переплёт.

[2] Окара́чь — на четвереньках.

Рассердился Илья Муромец. Он садился на добра коня, вывез Соловья-разбойника во чисто поле:

— Тебе полно, злодей, людей губить! — И отрубил Соловью буйну голову.

Столько Соловей-разбойник и на свете жил. На том сказ и окончился.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Уехал как-то раз Илья Муромец далеко от Киева в чистое поле, в широкое раздолье. Настрелял там гусей, лебедей да серых уточек. Повстречался ему в пути старчище Иванище — калика перехожий. Спрашивает Илья:

— Давно ли ты из Киева?

— Недавно я был в Киеве. Там беду бедует князь Владимир со Апраксией. Богатырей в городе не случилось, и приехал Идолище поганое. Ростом как сенная копна, глазищи как чашищи, в плечах косая сажень[1]. Развалясь сидит в княжеских палатах, угощается, на князя с княгиней покрикивает: «То подай да это принеси!» И оборонить их некому.

— Ох ты, старчище Иванище,— говорит Илья Муромец,— ведь ты дороднее да сильнее меня, только смелости да ухватки нет у тебя! Ты снимай платье каличье, поменяемся на время мы одёжею.

Наряжался Илья в платье каличье, пришёл в Киев на княжий двор и вскричал громким голосом:

— Подай, князь, милостыньку калике перехожему!

---

[1] В плечах косая сажéнь — широкие плечи.

— Чего горлопанишь, нищехлибина?![1] Зайди в столовую горницу. Мне охота с тобой перемолвиться! — закричал в окно Идолище поганое.

Вошёл богатырь в горницу, стал у притолоки. Князь и княгиня не узнали его. А Идолище, развалясь, за столом сидит, усмехается.

— Видал ли ты, калика, богатыря Илюшку Муромца? Он ростом, дородством каков? Помногу ли ест и пьёт?

— Ростом, дородством Илья Муромец совсем как я. Хлеба ест он по калачику в день. Зелена вина, пива стоялого выпивает по чарочке в день, тем и сыт бывает.

— Какой же он богатырь? — засмеялся Идолище, ощерился.— Вот я богатырь — зараз съедаю жареного быка-трёхлетка, по бочке зелена вина выпиваю. Встречу Илейку, русского богатыря, на ладонь его положу, другой — прихлопну, и останется от него грязь да вода!

На ту похвальбу отвечает калика перехожий:

— У нашего попа тоже была свинья обжористая. Много ела, пила, покуда её не разорвало.

Не слюбились те речи Идолищу. Метнул он в него аршинный[2] булатный нож, а Илья Муромец увёртлив был, уклонился от ножа.

Воткнулся нож в ободверину[3], ободверина с треском в сени вылетела.

Тут Илья Муромец в лапоточках да в платье каличьем ухватил Идолища поганого, подымал его

---

[1] Нищехли́бина — презрительное обращение к нищему.

[2] Арши́нный — здесь: огромный. Арши́н — старинная мера длины, равная примерно 72 см.

[3] Ободве́рина — косяк, дверная колода.

выше головы и бросал хвастуна-насильника о кирпичный пол. Столько Идолище и жив бывал. А могучему русскому богатырю славу поют веки-по́веки.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Завёл князь Владимир почестен пир и не позвал Илью Муромца. Богатырь на князя обиделся; выходил он на улицу, тугой лук натягивал, стал стрелять по церковным маковкам серебряным, по крестам золочёным и кричал мужикам киевским: «Собирайте кресты золочёные и серебряные церковные маковки, несите в кружало — в питейный дом. Заведём свой пир-столованье на всех мужиков киевских!»

Князь Владимир стольно-киевский разгневался, приказал посадить Илью Муромца в глубокий погреб на три года.

А дочь Владимира велела сделать ключи от погреба и потайно от князя приказала кормить, поить славного богатыря, послала ему перины мягкие, подушки пуховые.

Много ли, мало ли прошло времени, прискакал в Киев гонец от царя Калина. Он настежь двери размахивал, без спросу вбегал в княжий терем, кидал Владимиру грамоту посыльную. А в грамоте написано: «Я велю тебе, князь Владимир, скоро-наскоро очистить улицы стрелецкие и большие дворы княженецкие да наставить по всем улицам и переулкам пива пенного, медов стоялых да зелена вина, чтобы было чем моему войску угощаться в

Киеве. А не исполнишь приказа — пеняй на себя. Русь я огнём покачу, Киев-град в разор разорю и тебя со княгиней смерти предам. Сроку даю три дня».

Прочитал князь Владимир грамоту, затужил, запечалился. Ходит по горнице, ронит слёзы горючие, шелко́вым платком утирается:

— Ох, зачем я посадил Илью Муромца в погреб глубокий да приказал тот погреб засыпать жёлтым песком! Поди, нет теперь в живых нашего защитника? И других богатырей в Киеве нет теперь. И некому постоять за веру, за землю русскую, некому стоять за стольный град, оборонить меня со княгиней да с дочерью!

— Батюшка-князь стольно-киевский, не вели меня казнить, позволь слово вымолвить,— проговорила дочь Владимира.— Жив-здоров наш Илья Муромец. Я тайком от тебя поила, кормила его, обихаживала. Ты прости меня, дочь самовольную!

— Умница ты, разумница,— похвалил дочь Владимир-князь.

Схватил ключ от погреба и сам побежал за Ильёй Муромцем. Приводил его в палаты белокаменные, обнимал, целовал богатыря, угощал яствами сахарными, поил сладкими винами заморскими, говорил таковы слова:

— Не серчай, Илья Муромец! Пусть, что было между нами, быльём порастёт. Пристигла нас беда-невзгода. Подошёл к стольному городу Киеву собака Калин-царь, привёл полчища несметные. Грозится Русь разорить, огнём покатить, Киев-город разорить, всех киевлян в полон полонить, а богатырей нынче нет никого. Все на заставах стоят да в разъезды разъехались. На одного тебя вся на-

дежда у меня, славный богатырь Илья Муромец!

Некогда Илье Муромцу прохлаждаться, угощаться за княжеским столом. Он скорым-скоро на свой двор пошёл. Первым делом проведал своего коня вещего. Конь, сытый, гладкий, ухоженный, радостно заржал, когда увидел хозяина.

Паробку[1] своему Илья Муромец сказал:

— Спасибо тебе, что холил коня, обихаживал!

И стал коня засёдлывать. Сперва накладывал потничек, а на потничек накладывал войлочек, на войлочек седло черкасское недержанное. Подтягивал двенадцать подпругов шелко́вых со шпенёчками булатными, с пряжками красна золота, не для красы, для угожества, ради крепости богатырской: шелко́вые подпруги тянутся, не рвутся, булат гнётся, не ломается, а пряжки красного золота не ржавеют. Снаряжался и сам Илья в боевые доспехи богатырские. Палица при нём булатная, копьё долгомерное, подпоясывал меч боевой, прихватил шалыгу[2] подорожную и выехал во чисто поле. Видит, силы татарской под Киевом много множество. От крика людского да от ржания лошадиного унывает сердце человеческое. Куда ни посмотришь, нигде конца-краю силы-полчищ вражеских не видать.

Повыехал Илья Муромец, поднялся на высокий холм, посмотрел он в сторону восточную и увидал далеко-далече во чистом поле шатры белополотняные. Он направлял туда, понужал коня, приговаривал: «Видно, там стоят наши русские богатыри, о напасти-беде они не ведают».

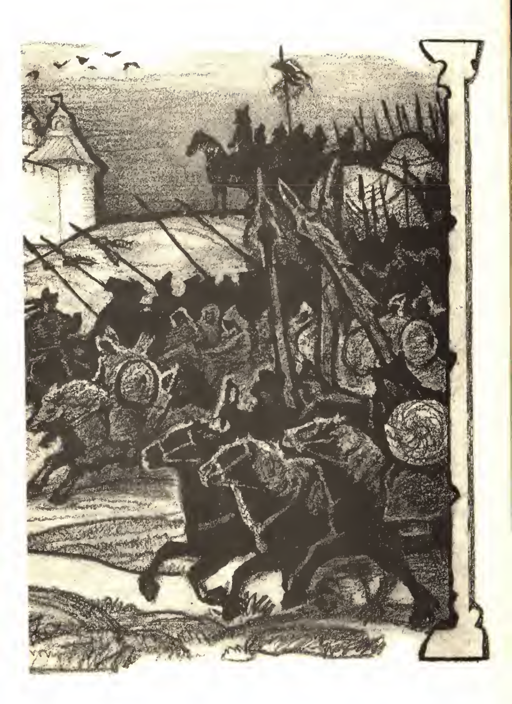
И в скором времени подъехал к шатрам бело-

---

[1] Па́робок — оруженосец.

[2] Шалы́га — посох с загнутой ручкой.

полотняным, зашёл в шатёр на́большего[1] богатыря Самсона Самойловича, своего крёстного. А богатыри в ту пору обедали. Проговорил Илья Муромец:

— Хлеб да соль, богатыри святорусские!

Отвечал Самсон Самойлович:

— А поди-ка, пожалуй, наш славный богатырь Илья Муромец! Садись с нами пообедать, хлеба-соли отведать!

Тут вставали богатыри на резвы ноги, с Ильёй Муромцем здоровались, обнимали его, троекратно целовали, за стол приглашали.

— Спасибо, братья крестовые. Не обедать я приехал, а привёз вести нерадостные, печальные,— вымолвил Илья Муромец.— Стоит под Киевом рать — сила несметная. Грозится собака Калин-царь наш стольный город взять да спалить, киевских мужиков всех повырубить, жён, дочерей во полон угнать, церкви разорить, князя Владимира со Апраксией-княгиней злой смерти предать. И приехал к вам звать с ворогами ра́титься!

На те речи отвечали богатыри:

— Не станем мы, Илья Муромец, коней седлать, не поедем мы биться-ратиться за князя Владимира да за княгиню Апраксию. У них много ближних князей да бояр. Великий князь стольно-киевский поит-кормит их и жалует, а нам нет ничего от Владимира со Апраксией Королевичной. Не уговаривай ты нас, Илья Муромец!

Не по нраву Илье Муромцу те речи пришлись. Он сел на своего добра коня и подъехал к полчищам вражеским. Стал силу вражью конём топтать, копьём колоть, мечом рубить да бить шалыгой подорож-

---

[1] На́большии — самый главный.

ною. Бьёт-поражает без устали. А конь богатырский под ним заговорил языком человеческим:

— Не побить тебе, Илья Муромец, силы вражеской. Есть у царя Калина могучие богатыри и поляницы[1] удалые, а в чистом поле вырыты подкопы глубокие. Как просядем мы в подкопы — из первого подкопа я выскочу и из другого подкопа повыскочу и тебя, Илья, вынесу, а из третьего подкопа я хоть выскочу, а тебя мне не вынести.

Те речи Илье не слюбилися. Поднял он плётку шелкóвую, стал бить коня по крутым бедрáм, приговаривать:

— Ах ты, собака-изменщица, волчье мясо, травяной мешок! Я кормлю, пою тебя, обихаживаю, а ты хочешь меня погубить!

И тут просел конь с Ильёй в первый подкоп. Оттуда верный конь выскочил, богатыря вынес на себе. И опять принялся богатырь вражью силу бить, как траву косить. И в другой раз просел конь с Ильёй во глубокий подкоп. И из этого подкопа резвый конь вынес богатыря.

Бьёт Илья Муромец татар, приговаривает:

— Сами не ходите и своим детям-внукам закажите ходить воевать на Русь Великую векипóвеки.

В ту пору просели они с конём в третий глубокий подкоп. Его верный конь из подкопа выскочил, а Илью Муромца вынести не мог. Набежали татары коня ловить, да не дался верный конь, ускакал он далёко во чистое поле. Тогда десятки богатырей, сотни воинов напали в подкопе на Илью Муромца, связали, сковали ему руки-ноги и привели в шатёр

---

[1] Поляни́цы — богатырки, наездницы.

к царю Калину. Встретил его Калин-царь ласково-приветливо, приказал развязать-расковать богатыря:

— Садись-ка, Илья Муромец, со мной, царём Калином, за единый стол, ешь, чего душа пожелает, пей мои питьица медвяные. Я дам тебе одёжу драгоценную, дам, сколь надобно, золотой казны. Не служи ты князю Владимиру, а служи мне, царю Калину, и будешь ты моим ближним княжем-бояриной!

Взглянул Илья Муромец на царя Калина, усмехнулся недобро и вымолвил:

— Не сяду я с тобой за единый стол, не буду есть твоих кушаньев, не стану пить твоих питьёв медвяных, не надо мне одёжи драгоценной, не надобно и бессчётной золотой казны. Я не стану служить тебе — собаке царю Калину! А и впредь буду верой и правдой защищать, оборонять Русь Великую, стоять за стольный Киев-град, за свой народ да за князя Владимира. И ещё тебе скажу: глупый же ты, собака Калин-царь, коли мнишь на Руси найти изменников-перебежчиков!

Размахнул настежь дверь-занавесь ковровую да прочь из шатра выскочил. А там стражники, охранники царские тучей навалились на Илью Муромца: кто с оковами, кто с верёвками — ладятся связать-сковать безоружного.

Да не тут-то было! Поднатужился могучий богатырь, поднапружился: раскидал-разметал басурман и проскочил сквозь вражью силу-рать в чистое поле, в широкое раздолье.

Свистнул посвистом богатырским, и, откуда ни возьмись, прибежал его верный конь с доспехами, со снаряжением. Выехал Илья Муромец на высокий холм, натянул лук тугой и послал калену́ стрелу, сам приговаривал: «Ты лети, калена стрела, во бел ша-

тёр, пади, стрела, на белу грудь моему крёстному, проскользни да сделай малую царапинку. Он поймёт: одному мне в бою худо можется». Угодила стрела в Самсонов шатёр. Самсон-богатырь пробудился, вскочил на резвы ноги и крикнул громким голосом:

— Вставайте, богатыри могучие русские! Прилетела от крестника калена стрела — весть нерадостная: понадобилась ему подмога в бою с сарацинами. Понапрасну ведь он бы стрелу не послал. Вы седлайте, не мешкая, добрых коней, и поедем мы биться не ради князя Владимира, а ради народа русского да на выручку славному Илье Муромцу!

В скором времени прискакали на подмогу двенадцать богатырей, а Илья Муромец с ними во тринадцатых. Накинулись они на полчища вражеские, прибили, притоптали конями всю несметную силу, самого царя Калина во полон взяли, привезли в палаты князя Владимира. И возговорил Калин-царь:

— Не казни меня, князь Владимир стольно-киевский, я буду тебе дань платить и закажу своим детям, внукам и правнукам веки вечные на Русь с мечом не ходить, а с вами в мире жить. В том мы подпишем грамоту.

Тут ста́рина-былина и окончилась, синему морю на ти́шину, а добрым людям на послу́шание.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

По чистому полю, по широкому раздолью ехал старый казак Илья Муромец и наехал на развилку трёх дорог. На развилке горюч-камень лежит, а на камне надпись написана: «Если прямо ехать —

убиту быть, направо ехать — женату быть, а налево ехать — богатому стать». Прочитал Илья надпись и призадумался:

— Мне, старому, в бою смерть не писана. Дай поеду, где убиту быть.

Долго ли, коротко ли ехал он, выскочили на дорогу воры-разбойники. Три сотни та́тей[1]-подорожников. Горланят, шалыгами размахивают:

— Убьём старика да ограбим!

— Глупые люди, — говорит Илья Муромец, — не убив медведя, шкуру делите!

И напустил на них своего коня верного. Сам копьём колол и мечом разил, и не осталось в живых ни единого душегуба-разбойника.

Воротился на развилку и стёр надпись: «Если прямо ехать — убиту быть». Постоял возле камня и повернул коня направо:

— Незачем мне, старому, женату быть, а поеду, погляжу, как люди женятся.

Ехал час либо два и наехал на палаты белокаменные.

Выбегала навстречу красна девица-душа. Брала Илью Муромца за руки, провела в столовую горницу. Кормила-поила богатыря, улещала:

— После хлеба-соли ступай опочив держать[2]. В дороге небось умаялся! — Провела в особый покой, указала на перину пуховую.

А Илья, он смекалист, сноровист был, заприметил неладное. Кинул девицу-красу на перину, а кровать повернулась, опрокинулась, и провалилась хозяйка в подземелье глубокое.

---

[1] Тать — разбойник, грабитель.

[2] Опочи́в держать — опочивать, спать, отдыхать.

Выбежал Илья Муромец из палат во двор, разыскал подземелье то глубокое, двери выломал и выпустил на белый свет сорок пленников, женихов незадачливых, а хозяйку — красну девицу в тюрьму подземную запер крепко-накрепко.

После того приехал на развилку и другую надпись стёр. И новую надпись написал на камени: «Две дорожки очищены старым казаком Ильёй Муромцем».

— В третью сторону не поеду я. Зачем мне, старому, одинокому, богатым быть? Пусть кому-нибудь молодому богатство достанется.

Повернул коня старый казак Илья Муромец и поехал в стольный Киев-град нести службу ратную, биться с ворогами, стоять за Русь Великую да за русский народ!

На том сказ о славном, могучем богатыре Илье Муромце и окончился.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

ДОБРЫНЯ

Возьму гусли звонкие, яровчатые[1] да настрою гусли на старинный лад, заведу старину стародавнюю, бывальщину о деяньях славнорусского богатыря Добрыни Никитича. Синему морю на тишину, а всем добрым людям на послушанье.

В славном городе было, во Рязани, жил муж честно́й Никита Романович со своей верной женой Афимьей Александровной. И на радость отцу с матерью у них рос-подрастал единый сын, молодёшенький Добрыня Никитич.

Вот жил Никита Романович девяносто лет, жил-поживал да и преставился.

Овдовела Афимья Александровна, сиротой остался Добрыня шести годов. А семи годов посадила сына Афимья Александровна грамоту учить.

И скорым-скоро грамота ему в наук пошла: научился Добрыня бойко книги читать и орлиным пером того бойчее владать.

А двенадцати годов он на гуслях играл. На гуслях играл, песни складывал.

[1] Гу́сли яро́вчатые. Гусли — старинный музыкальный инструмент, яро́вчатые — сделанные из я́вора, белого клёна, растущего на юге.

Честна́я вдова Афимья Александровна на сына глядит, не нарадуется. Растёт Добрыня в плечах широк, тонок в поясе, брови чёрные вразлёт, соболиные, глаза зоркие, соколиные, кудри русые вьются кольцами, рассыпаются, с лица бел да румян, ровно маков цвет, а силой да ухваткой ему равных нет, и сам ласковый, обходительный.

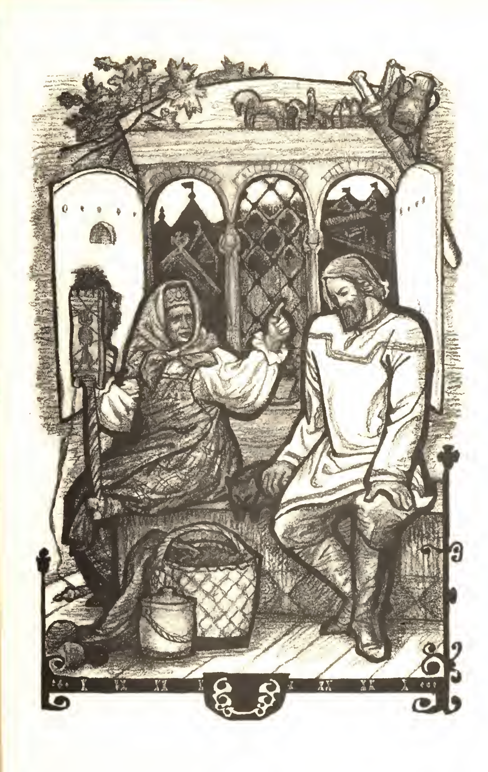
ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

И вот вырос Добрыня до полного возраста. И сказались в нём ухватки богатырские. Стал Добрыня Никитич на добром коне в чисто поле поезживать да малых змеёнышей резвым конём потаптывать.

Говорила ему родна матушка, честная вдова Афимья Александровна:

— Дитятко моё, Добрынюшка, не надобно тебе купаться в Почай-реке. Почай-река сердитая, сердитая она, свирепая. Первая в реке струя как огонь сечёт, из другой струи искры сыплются, а из третьей струи дым столбом валит. И не надобно тебе ездить на дальнюю гору Сорочинскую да ходить там в норы-пещеры змеиные.

Молоденький Добрыня Никитич своей матушки не послушался. Выходил он из палат белокаменных на широкий, на просторный двор, заходил в конюшню стоялую, выводил коня богатырского да стал засёдлывать: сперва накладывал по́тничек, а на потничек накладывал войлочек, а на войлочек — седёлышко черкасское, шелками, золотом украшенное, двенадцать подпругов шелко́вых затягивал. Пряжи у подпругов — чиста золота, а шпенёчки

у пряжек — булатные[1], не ради басы-красы[2], а ради крепости: как ведь шёлк-то не рвётся, булат[3] не гнётся, красное золото не ржавеет, богатырь на коне сидит, не стареет.

Потом приладил к седлу колчан со стрелами, взял тугой богатырский лук, взял тяжёлую палицу да копьё долгомерное. Зычным голосом кликнул паробка, велел ему в провожатых быть. Видно было, как на коня садился, а не видно, как со двора укатился, только пыльная курева[4] завилась столбом за богатырём.

Ездил Добрыня с паробком по чисту полю. Ни гусей, ни лебедей, ни серых утушек им не встретилось. Тут подъехал богатырь ко Почай-реке. Конь под Добрыней изнурился, и сам он под пекучим солнцем приумаялся. Захотелось добру молодцу искупатися. Он слезал с коня, снимал одёжу дорожную, велел паробку коня вываживать да кормить шелко́вой травой-муравой, а сам в одной тоненькой полотняной рубашечке заплыл далече от берега.

Плавает и совсем забыл, что матушка наказывала... А в ту пору как раз с восточной стороны лихая беда накатилася: налетел Змеинище-Горынище о трёх головах, о двенадцати хоботах, погаными крыльями солнце затмил. Углядел в реке безоружного, кинулся вниз, ощерился: «Ты теперь, Добрыня, у меня в руках. Захочу — тебя огнём спалю, захочу — в полон[5] живьём возьму, унесу тебя в горы Сорочинские, во глубокие норы во змеиные!» Сыплет

---

[1] Була́тные — из стали особой прочности.

[2] Баса-краса — украшение.

[3] Була́т — особой прочности сталь.

[4] Пыльная курева — пыльное облако.

[5] Поло́н — плен.

искры, огнём палит, ладится хоботами добра молодца ухватить.

А Добрыня проворен, увёртливый, увернулся от хоботов змеиных да вглубь нырнул, а вынырнул у самого берега. Повыскочил на жёлтый песок, а Змей за ним по пятам летит. Ищет молодец доспехи богатырские, чем ему со Змеем-чудовищем ратиться[1], и не нашёл ни паробка, ни коня, ни боевого снаряжения. Напугался паробок Змеинища-Горынища, сам убежал и коня с доспехами прочь угнал. Видит Добрыня: дело неладное, и некогда ему думать да гадать... Заметил на песке шляпу-колпак земли греческой да скорым-скоро набил шляпу жёлтым песком и метнул тот трёхпудовый колпак в супротивника. Упал Змей на сыру землю. Вскочил богатырь Змею на грудь, хочет порешить его жизни. Тут поганое чудовище взмолилося: «Молоденький Добрынюшка Никитич! Ты не бей, не казни меня, отпусти живого, невредимого. Мы напишем с тобой записи промеж себя: не драться веки вечные, не ратиться. Не стану я на Русь летать, разорять сёла с присёлками, во полон людей не стану брать. А ты, мой старший брат, не езди в горы Сорочинские, не топчи резвым конём малых змеёнышей».

Молоденький Добрыня, он доверчивый: льстивых речей послушался, отпустил Змея на волю-вольную, на все на четыре стороны, сам скорым-скоро нашёл паробка со своим конём, со снаряжением. После того воротился домой да своей матери низко кланялся: «Государыня матушка! Благослови меня на ратную[2] службу богатырскую».

---

[1] Ратиться — бороться, биться, обороняться.

[2] Ратную — боевую; в данном случае: военную.

Благословила его матушка, и поехал Добрыня в стольный Киев-град. Он приехал на княжеский двор, привязал коня к столбу точёному, ко тому ли кольцу золочёному, сам входил в палаты белокаменные, крест клал по писаному, а поклоны вёл поучёному: на все четыре стороны низко кланялся, а князю с княгиней во особицу. Приветливо князь Владимир гостя встречал да расспрашивал:

— Ты откулешний, дородный добрый молодец, чьих родов, из каких городов? И как тебя по имени звать, величать по изотчине?[1]

— Я из славного города Рязани, сын Никиты Романовича да Афимьи Александровны — Добрыня, сын Никитич. Приехал к тебе, князь, на службу ратную.

А в ту пору у князя Владимира столы были раздёрнуты, пировали князья, бояре и русские могучие богатыри. Посадил Владимир-князь Добрыню Никитича за стол на почётное место между Ильёй Муромцем да Алёшей Поповичем, подносил ему чару зелена́ вина, не малую чару — полтора ведра. Принимал Добрыня чару одной рукой, выпивал чару за единый дух.

А князь Владимир между тем по столовой горнице похаживал, пословечно государь выговаривал:

— Ой вы гой еси, русские могучие богатыри, не в радости нынче я живу, во печали. Потерялась моя любимая племянница, молодая Забава Путятична. Гуляла она с мамками, с няньками в зелено́м саду, а в ту пору летел над Киевом Змеинище-Горынище, ухватил он Забаву Путятичну, взвился

---

[1] По изо́тчине — по отчеству.

выше лесу стоячего и унёс на горы Сорочинские, во пещеры глубокие змеиные. Нашёлся бы кто из вас, ребятушки: вы, князья подколенные, вы, бояре ближние, и вы, русские могучие богатыри, кто съездил бы на горы Сорочинские, выручил из полона змеиного, вызволил прекрасную Забавушку Путятичну и тем утешил бы меня и княгиню Апраксию?!

Все князья да бояре молчком молчат. Бо́льший хоронится за меньшего, а от меньшего и ответа нет. Тут и пало на ум Добрыне Никитичу: «А ведь нарушил Змей заповедь: на Русь не летать, во полон людей не брать,— коли унёс, полонил Забаву Путятичну». Вышел из-за стола, поклонился князю Владимиру и сказал таковы слова:

— Солнышко Владимир-князь стольно-киевский, ты накинь на меня эту службицу. Ведь Змей Горыныч меня братом признал и поклялся век не летать на землю Русскую и в полон не брать, да нарушил ту клятву. Мне и ехать на горы Сорочинские, выручать Забаву Путятичну.

Князь лицом просветлел и вымолвил:

— Утешил ты нас, добрый молодец!

И Добрыня низко кланялся на все четыре стороны, а князю с княгиней во особицу, потом вышел на широкий двор, сел на коня и поехал в Рязань-город. Там у матушки просил благословения ехать на горы Сорочинские, выручать из полона змеиного русских пленников.

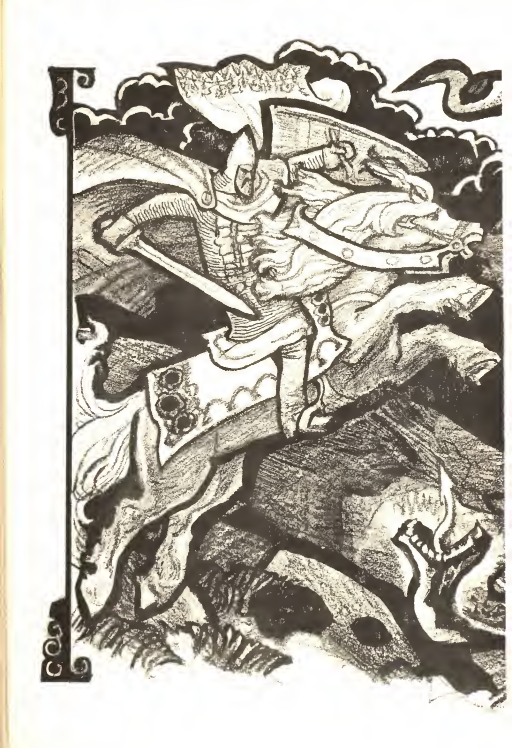
Говорила мать Афимья Александровна:

— Поезжай, родное дитятко, и будет с тобой моё благословение! — Потом подала плётку семи шелков, подала расшитый платок белополотняный и говорила сыну таковы слова: — Когда будешь ты

со Змеем ратиться, твоя правая рука приустанет, приумаешься, белый свет в глазах потеряется, ты платком утрись и коня утри. У тебя всю усталь как рукой снимет, и сила у тебя и у коня утроится, а над Змеем махни плёткой семи́шелко́вой — он приклонится ко сырой земле. Тут ты рви-руби все хоботы змеиные — вся сила истощится змеиная.

Низко кланялся Добрыня своей матушке, честной вдове Афимье Александровне, потом сел на добра коня и поехал на горы Сорочинские. А поганый Змеинище-Горынище учуял Добрыню за полпо́прища[1], налетел, стал огнём палить да биться-ратиться. Бьются они час и другой. Изнурился борзый конь, спотыкаться стал, и у Добрыни правая рука умахалась, в глазах свет померк. Тут и вспомнил богатырь материнский наказ. Сам утёрся расшитым платком белополотняным и коня утёр. Стал его верный конь поскакивать в три раза резвее прежнего. И у Добрыни вся усталость прошла, его сила утроилась. Улучил он время, махнул над Змеем плёткой семишелковой, и сила у Змея истощилася: приник-припал он к сырой земле. Рвал-рубил Добрыня хоботы змеиные, а под конец отрубил все три головы у поганого чудовища, порубил мечом, потоптал конём всех змеёнышей и пошёл во глубокие норы змеиные, разрубил-разломал запоры крепкие, выпускал из полона змеиного народу множество, отпускал всех на волю-вольную. Вывел Забаву Путятичну на белый свет, посадил на коня и привёз в стольный Киев-град. Привёл в палаты княженецкие, там поклон вёл по писаному: на все четыре

[1] За полпоприща — здесь: за полпути.

стороны, а князю с княгиней во особицу, речь заводил по-учёному:

— По твоему, князь, повелению ездил я на горы Сорочинские, разорил-повоевал змеиное логово. Самого Змеинища-Горынища и всех малых змеёнышей порешил, выпустил на волю народу тьму-тьмущую и вызволил твою любимую племянницу, молодую Забаву Путятичну.

Князь Владимир был рад-радёшенек, крепко обнимал он Добрыню Никитича, целовал его в уста сахарные, сажал на место почётное, сам говорил таковы слова:

— За твою службу великую жалую тебя городом с пригородками!

На радостях завёл князь почестен пир-столование на всех князей-бояр, на всех богатырей могучих, прославленных. И все на том пиру напивалися-наедалися, прославляли геройство и удаль богатыря Добрыни Никитича.

ДОБРЫНЯ, ПОСОЛ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Столованье-пированье у князя идёт вполпира, гости сидят вполпьяна. Один князь Владимир стольно-киевский печален, нерадостен. По столовой горнице он похаживает, пословечно государь выговаривает:

— Избыл я заботу-печаль о любимой племяннице, о прекрасной Забаве Путятичне, а теперь ещё одна беда-невзгода приключилася: требует хан Бахтияр Бахтиярович дань великую за двенадцать лет, в том грамоты-записи промеж нас были написаны.

Грозится хан войной идти, коль дань не дам. Вот и надобно послов послать к Бахтияру Бахтияровичу, отвезти дань: двенадцать лебедей, двенадцать кречетов[1] да и грамоту повинную, а дань сама по себе. Вот и думаю, кого мне послами послать?

Тут все гости за столами приумолкнули. Большой хоронится за середнего, середний хоронится за меньшего, а от меньшего и ответа нет. Потом поднялся ближний боярин:

— Ты позволь мне, князь, слово вымолвить.

— Говори, боярин, мы послушаем,— отвечал ему Владимир-князь.

И боярин стал сказывать:

— Ехать в ханскую землю — служба немалая, и лучше некого послать, как Добрыню Никитича да Василья Казимировича, а в помощники послать Ивана Дубровича. Ведомо им, как в послах ходить, и знают, как с ханом разговор вести.

И тут Владимир-князь стольно-киевский наливал три чары зелена вина, не малые чары — в полтора ведра, разводил вино медами стоялыми. Перву чару подносил Добрыне Никитичу, другую чару — Василью Казимировичу, а третью чару — Ивану Дубровичу.

Все три богатыря вставали на резвы ноги, принимали чару одной рукой, выпивали за единый дух, низко князю поклонилися, и все трое промолвили:

— Твою службу мы справим, князь, поедем в землю ханскую, отдадим твою грамоту повинную, двенадцать лебедей в дар, двенадцать кречетов и дань за двенадцать лет Бахтияру Бахтияровичу.

Подавал князь Владимир послам грамоту повин-

---

[1] Кре́чет — хорошо обученный для охоты сокол.

ную и велел подать в дар Бахтияру Бахтияровичу двенадцать лебедей, двенадцать кречетов, а потом насыпал короб чистого серебра, другой короб — красного золота, третий короб — скатного жемчуга[1]: дани хану за двенадцать лет.

С тем садились послы на добрых коней и поехали в землю ханскую. Они день едут по красну солнышку, в ночь едут по светлому месяцу. День за днём, словно дождь дождит, неделя за неделей, как река бежит, а добры молодцы вперёд подвигаются.

И вот приехали они в землю ханскую, на широкий двор к Бахтияру Бахтияровичу. Слезали с добрых коней. Молодой Добрыня Никитич на пяту[2] двери поразмахивал, и входили они в ханские палаты белокаменные. Там крест клали по писаному, а поклоны вели по-учёному, на все на четыре стороны низко кланялись, самому хану во особицу.

Хан у добрых молодцев стал выспрашивать:

— Вы откуда, дородные добрые молодцы? Из каких городов, вы каких родов и как вас звать-величать?

Ответ держали добрые молодцы:

— Мы приехали из города из Киева, от славного от князя от Владимира. Привезли тебе дань за двенадцать лет.

Тут и подали хану грамоту повинную, подали двенадцать лебедей в дар, двенадцать кречетов. Потом подали короб чиста серебра, другой короб красна золота да третий короб скатного жемчуга. После этого посадил Бахтияр Бахтиярович послов

---

[1] Ска́тный жемчуг — крупный, круглый, ровный, будто скатанный.

[2] На пяту́ — здесь: настежь до отказа.

за дубовый стол, кормил-поил, потчевал и стал выспрашивать:

— Есть ли у вас на святой Руси у славного князя у Владимира кто играет в шахматы, в дорогие тавлеи[1] золочёные? Играет ли кто в шашки-шахматы?

Проговорил в ответ Добрыня Никитич:

— Я могу с тобой, хан, в шашки-шахматы поиграть, в дорогие тавлеи золочёные.

Приносили доски шахматные, и стали Добрыня с ханом по шашечной доске ходить, с клетки в клетку переступывать.

Добрыня раз ступил и другой ступил, а на третий хану и ход закрыл. Говорит Бахтияр Бахтиярович:

— Ай, горазд же ты, добрый молодец, в шашки-тавлеи играть. До тебя с кем ни играл, всех обыгрывал. Под другую игру я залог кладу: два короба чиста серебра, два короба красна золота да два короба скатного жемчуга.

Отвечал ему Добрыня Никитич:

— Моё дело дорожное, нет при мне бессчётной золотой казны, нет ни чистого серебра, ни красного золота, нет и скатного жемчуга. Разве что поставлю в заклад я свою буйну голову.

Вот хан раз ступил — недоступил, другой раз ступил — переступил, а на третий раз Добрыня ему и ход закрыл, он повыиграл залог Бахтияров: два короба чистого серебра, два короба красного золота да два короба скатного жемчуга.

Горячился хан, раззадорился, он поставил велик залог: платить дань князю Владимиру за двенадцать

---

[1] **Тавлей** — старинная шашечница: расчерченная доска для игры в шашки, шахматы, кости.

лет с половиною. И в третий раз залог Добрыня выиграл.

Велик проигрыш, хан проиграл да и обиделся. Говорит он таковы слова:

— Славные богатыри, послы Владимира! Кто из вас горазд из лука стрелять, чтоб пропустить калёну стрелу по острию по ножовому, чтоб пополам стрела раздвоилася да попала бы стрела во кольцо серебряное и обе половины стрелы были весом равны.

И двенадцать дюжих богатырей принесли самолучший ханский лук.

Молодой Добрыня Никитич взял тот тугой лук разрывчатый, стал калёну стрелу накладывать, тетиву стал Добрыня натягивать. Тетива порвалась, как гнилая нить, а лук приломался, рассыпался. Проговорил молоденький Добрынюшка:

— Ай же ты, Бахтияр Бахтиярович, то дрянное лучишко, не годное! — И сказал Ивану Дубровичу: — Ты ступай-ка, мой крестовый брат, на широкий двор, принеси мой дорожный лук, что ко правому стремени прилаженный.

Отстегнул Иван Дубрович лук от правого от стремени и понёс тот лук в палату белокаменну. А к луку были пристроены гусельцы звонкие — не для красы, не для угожества, а потехи ради молодецкой. И вот несёт Иванушка лук, на гусельцах наигрывает. Все татары заслушались, эдакого дива век у них не было...

Берёт Добрыня свой тугой лук, становится супротив колечка серебряного, и три раза он стрелял по острию ножовому, делил стрелу калёну надвое и попадал три раза в кольцо серебряное.

Принимался тут стрелять Бахтияр Бахтиярович.

Первый раз он стрелил — недо́стрелил, другой раз стрелил — пере́стрелил и третий раз стрелил, да в кольцо не попал.

Это хану не в любовь пришло, не в любовь пришло, не полюбилося. И задумал он нехорошее: извести, порешить послов киевских, всех трёх русских богатырей. А сам заговорил ласково, приветливо:

— Не пожелает ли кто из вас, славные богатыри, послы Владимировы, побороться-потешиться с нашими борцами, своей силы поотведати?

Не успели Василий Казимирович да Иван Дубрович и слова вымолвить, как молоденький Добрынюшка епанчу[1] снимал, расправлял плечи могучие и вышел на широкий двор. Там встречал его татарский богатырь-боец. Росту богатырь страшенного, в плечах косая сажень, голова как пивной котёл. А за тем богатырём бойцов многое множество. По двору стали они похаживать, стали молодого Добрынюшку поталкивать. А Добрыня их отталкивал, попинывал да от себя откидывал. Тут страшенный богатырь ухватил Добрыню за белы руки, да недолго они боролись, силой мерялись — увёртлив, силён Добрыня был, ухватистый. Кинул-бросил он богатыря на сыру землю, только гул пошёл, земля дрогнула. Ужаснулись сперва бойцы, поопешили, а потом всем скопом на Добрыню накинулись, и борьба-потеха тут боем-дракой сменилася. С криком, бранью да с оружием на Добрыню навалилися. А Добрыня безоружный был. Перву сотню раскидал, распинал, а за теми цела тысяча. Выхватил он тележную ось и принялся той осью недругов потче-

[1] Епанча́ — широкий плащ без рукавов.

вать. На подмогу ему выскочил из палат Иван Дубрович, и стали они вдвоём недругов бить-колотить. Где пройдут богатыри — там улица, а в сторону свернут — переулочек: лежмя лежат недруги, не ойкают.

Руки-ноги у хана затряслись, как увидал он это побоище. Кое-как выполз-вышел на широкий двор и взмолился, стал упрашивать:

— Славные русские богатыри! Вы оставьте моих бойцов, не губите их! А я дам князю Владимиру грамоту повинную, закажу внукам и правнукам с русскими не биться, не ратиться и буду дани-выходы платить веки вечные!

Зазывал послов-богатырей в палаты белокаменные, угощал там яствами сахарными да питьями медвяными. После того написал Бахтияр Бахтиярович князю Владимиру грамоту повинную: веки вечные на Русь войной не ходить, с русскими не биться, не ратиться и платить дани-выходы во веки веков. Потом насыпал воз чистого серебра, другой воз насыпал красна золота, а третий воз насыпал скатного жемчуга да в дар Владимиру посылал двенадцать лебедей, двенадцать кречетов и с великой почестью послов проводил. Сам выходил на широкий двор и вслед богатырям низко кланялся.

А русские могучие богатыри Добрыня Никитич, Василий Казимирович да Иван Дубрович садились на добрых коней и отъехали от двора Бахтияра Бахтияровича, а вслед за ними гнали три воза с бессчётной казной да с дарами князю Владимиру.

День за днём — как дождь дождит, неделя за неделей — как река бежит, а богатыри-послы вперёд подвигаются. Они едут с утра день до вечера,

красного солнышка до заката. Когда резвые кони отощают и сами добрые молодцы притомятся, приустанут, ставят шатры белополотняные, коней повыкормят, сами отдохнут, поедят-попьют и опять путь-дорогу коротают. Широкими полями едут, через быстрые реки переправляются и вот приехали в стольный Киев-град.

Заезжали на княжеский просторный двор да слезали тут со добрых коней, потом Добрыня Никитич, Василий Казимирович да Иванушка Дубрович входили в палаты княженецкие, они крест клали по-учёному, поклоны вели по писаному: на все на четыре стороны низко кланялись, а князю Владимиру со княгиней во особицу, и говорили таковы слова:

— Ой ты гой еси, князь Владимир стольнокиевский! Побывали мы в ханской орде, твою службу там справили. Велел хан Бахтияр тебе кланяться.— И тут подали князю Владимиру ханскую грамоту повинную.

Садился князь Владимир на дубовую скамью и читал ту грамоту. Потом вскочил на резвы ноги, стал по палате похаживать, кудри русые стал поглаживать, ручкой правою стал помахивать и возговорил светло-радостно:

— Ай же, славные русские богатыри! Ведь в грамоте ханской просит Бахтияр Бахтиярович мира на веки вечные. И ещё там прописано: будет-де он платить дани-выходы нам век по веку. Вот как преславно вы моё посольство там справили!

Тут Добрыня Никитич, Василий Казимирович да Иван Дубрович подавали князю Бахтияров дар: двенадцать лебедей, двенадцать кречетов и великую

дань — воз чистого серебра, воз красна золота да воз скатного жемчуга.

И завёл князь Владимир на радостях почестен пир во славу Добрыни Никитича, Василия Казимировича да Ивана Дубровича. А на том Добрыне Никитичу и славу поют.

АЛЁША ПОПОВИЧ

АЛЁША ПОПОВИЧ-МЛАД

В славном городе во Ростове, у соборного попа Левонтия в утешенье да на радость родителям, росло чадо единое — любимый сын Алёшенька.

Парень рос, матерел не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымался, силой-крепостью наливался. На улицу он стал побегивать, с ребятами в игры поигрывать. Во всех ребячьих забавах-проказах заводилой-атаманом был: смелый, весёлый, отчаянный — буйная удалая головушка!

Иной раз соседи и жаловались:

— Удержу в шалостях не знает! Уймите, пристрожьте сынка!

А родители души в сыне не чаяли и в ответ говорили так:

— Лихостью-строгостью ничего не поделаешь, а вот вырастет, возмужает он, и все шалости-проказы как рукой снимутся!

Так и рос Алёша Попович-млад. И стал он на

возрасте. На резвом коне поезживал, научился и мечом владеть. А потом пришёл к родителю, в ноги отцу кланялся и стал просить прощеньица-благословеньица:

— Благослови меня, родитель-батюшка, ехать в стольный Киев-град, послужить князю Владимиру, на заставах богатырских стоять, от врагов нашу землю оборонять.

— Не чаяли мы с матерью, что ты покинешь нас, что покоить нашу старость будет некому, но на роду, видно, так написано: тебе ратным делом труждатися. То доброе дело, а на добрые дела прими наше благословенье родительское, на худые дела не благословляем тебя!

Тут пошёл Алёша на широкий двор, заходил во конюшню стоялую, выводил коня богатырского и принялся коня засёдлывать. Сперва накладывал потнички, на потнички клал войлочки, а на войлочки седёлышко черкесское, туго-натуго подпруги шелкóвы затягивал, золотые пряжки застёгивал, а у пряжек шпенёчки булатные. Всё не ради красы-басы, а ради крепости богатырской: как ведь шёлк не трётся, булат не гнётся, красное золото не ржавеет, богатырь сидит на коне, не стареет.

На себя надевал латы кольчужные, застёгивал пуговки жемчужные. Сверх того надел нагрудник булатный на себя, взял доспехи все богатырские. В налучнике тугой лук разрывчатый да двенадцать стрелочек калёных, брал и палицу богатырскую да копьё долгомерное, мечом-кладенцóм перепоясался, не забыл взять и острый нож-кинжалище. Зычным голосом крикнул паробка Евдокимушку:

— Не отставай, следом правь за мной!

И только видели удала добра молодца, как на

коня садился, да не видели, как он со двора укатился. Только пыльная курева поднялась.

Долго ли, коротко ли путь продолжался, много ли, мало ли времени длилась дорога, и приехал Алёша Попович со своим паробком Евдокимушкой в стольный Киев-град. Заезжали не дорогой, не воротами, а скакали через стены городовые, мимо башни наугольной на широкий на княжий двор. Тут соскакивал Алёша со добра коня, он входил в палаты княженецкие, крест клал по писаному, а поклоны вёл по-учёному: на все на четыре стороны низко кланялся, а князю Владимиру да княгине Апраксии во особицу.

В ту пору у князя Владимира заводился почестен пир, и приказал он своим отрокам-слугам верным посадить Алёшу у запечного столба.

АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Славных русских богатырей в то время в Киеве не случилося. На пир съехались, сошлись князья с боярами, и все сидят невеселы, нерадостны, буйны головы повесили, уто́пили очи в дубовый пол...

В ту пору, в то времечко с шумом-грохотом двери на пяту размахивал и входил в палату столовую Тугарин-собачище. Росту Ту́гарин страшенного, голова у него как пивной котёл, глазища как чашища, в плечах — косая сажень. Образам Тугарин не молился, с князьями, с боярами не здоровался. А князь Владимир со Апраксией ему низко кланялись, брали его по́д руки, посадили за стол во большой угол, на скамью дубовую, раззолочен-

ную, дорогим пушистым ковром покрытую. Расселся-развалился на почётном месте Тугарин, сидит во весь широкий рот ухмыляется, над князьями, боярами насмехается, над Владимиром-князем изгаляется. Ендовами пьёт зеленó вино, запивает медами стоялыми.

Принесли на столы гусей-лебедей да серых утушек печёных, варёных, жареных. По ковриге хлеба за щеку Тугарин клал, по белому лебедю зараз глотал...

Глядел Алёша из-за столба запечного на Тугарина-нахалища да вымолвил:

— У моего родителя, попа ростовского, была корова обжориста: по целой лохани пойло пила, покуда обжористу корову не рóзорвало!

Тугарину те речи не в любовь пришлись, показались обидными. Он метнул в Алёшу острым ножом-кинжалищем. Но Алёша — он увёртлив был — на лету ухватил рукой острый нож-кинжалище, а сам невредим сидит. И возговорил таковы слова:

— Мы поедем, Тугарин, с тобой во чисто поле да испробуем силы богатырские.

И вот сели на добрых коней и поехали в чистое поле, в широкое раздолье. Они бились там, рубились до вечера, красна солнышка до заката, никоторый никоторого не ранили. У Тугарина конь на крыльях огненных был. Взвился, поднялся Тугарин на крылатом коне под оболоки и ладится время улучить, чтобы кречетом сверху на Алёшу ударить-упасть. Алёша стал просить, приговаривать:

— Подымись, накатись, туча тёмная! Ты пролейся, туча, частым дождичком, залей, затуши у Тугарина коня крылья огненные!

И, откуда ни возьмись, — нанесло тучу тёмную.

Пролилась туча частым дождичком, залила-потушила крылья огненные, и спускался Тугарин на коне из поднебесья на сыру землю.

Тут Алёшенька Попович-млад закричал зычным голосом, как в трубу заиграл:

— Оглянись-ко назад, басурман! Там ведь русские могучие богатыри стоят. На подмогу мне они приехали!

Оглянулся Тугарин, а в ту пору, в то времечко подскочил к нему Алёшенька — он догадлив да сноровист был,— взмахнул богатырским мечом своим и отсек Тугарину буйну голову. На том поединок с Тугариным и окончился.

БОЙ С БАСУРМАНСКОЙ РАТЬЮ ПОД КИЕВОМ

Повернул Алёша коня вещего и поехал в Киев-град. Настигает, догоняет он дружину малую — русских вершников[1]. Спрашивают дружинники:

— Ты куда правишь путь, дородный добрый молодец, и как тебя по имени зовут, величают по отчине?

Отвечает богатырь дружинникам:

— Я — Алёша Попович. Бился-ратился во чистом поле с нахвальщиком[2] Тугарином, отсек ему буйну голову да вот и еду в стольный Киев-град.

Едет Алёша с дружинниками, и видят они: возле

---

[1] Ве́ршники — верховые.

[2] Нахва́льщик — хвастун, нахал.

самого города Киева рать-сила стоит басурманская. Окружили, обложили стены городóвые со всех четырёх сторон. И столько силы той неверной нагнано, что от крику басурманского, от ржания конского да от скрипу от тележного шум стоит, будто гром гремит, и унывает сердце человеческое. Возле войска по чисту полю разъезжает басурманский наездник-богатырь, громким голосом орёт, похваляется:

— Киев-город мы с лица земли сотрём, все дома да божьи церкви огнём спалим, головнёй покатим, горожан всех повырубим, бояр да князя Владимира во полон возьмём и заставим у нас в орде в пастухах ходить, кобылиц доить!

Как увидели Алёшины попутчики-дружинники несметную силу басурманскую да услышали хвастливые речи наездников-нахвальщиков, придержали ретивых коней, посмурнели, замешкались. А Алёша Попович горяч-напорист был. Где силой взять нельзя, он там наскоком брал. Закричал он громким голосом:

— Уж ты гой-еси, дружина хоробрая! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Краше буйну голову нам в бою сложить, чем славному стольному городу Киеву позор пережить! Мы напустимся на рать-силу несметную, освободим от напасти великий Киев-град, и заслуга наша не забудется, пройдёт, прокатится про нас слава громкая: услышит про нас и старый казак Илья Муромец, сын Иванович. За храбрость нашу он нам поклонится,— то ли не почёт, не слава нам!

Напускался Алёша Попович-млад со своей дружиной храброю на несметные вражьи полчища. Они бьют басурман, как траву косят: когда мечом, когда копьём, когда тяжёлой боевой палицей. Самого

главного богатыря-нахвальщика достал Алёша Попович острым мечом и рассек-развалил его надвое. Тут ужас-страх напал на ворогов. Не устояли супротивники, разбежались куда глаза глядят. И очистилась дорога в стольный Киев-град.

Князь Владимир про победу узнал и на радости пир-столованье заводил, да не позвал на пир Алёшу Поповича. Обиделся Алёша на князя Владимира, повернул своего коня верного и поехал в Ростов-град, к своему родителю — соборному попу ростовскому Левонтию.

АЛЁША, ИЛЬЯ И ДОБРЫНЯ

Гостит Алёша у родителя, у соборного попа Левонтия ростовского, а в ту пору слава-молва катится, как река в половодье разливается. Знают в Киеве и в Чернигове, слух идёт в Литве, говорят в Орде, будто в трубу трубят в Новегороде, как Алёша Попович-млад побил-повоевал басурманскую рать-силу несметную да избавил от беды-невзгоды стольный Киев-град, расчистил дорогу прямоезжую...

Залетела слава на заставу богатырскую. Прослышал о том и старый казак Илья Муромец и промолвил так:

— Видно сокола по полёту, а добра молодца — по поездке. Народился у нас нынче Алёша Попович-млад, и не переведутся богатыри на Руси век по веку!

Тут садился Илья на добра коня, на своего бурушку косматого и поехал дорогой прямоезжей в стольный Киев-град.

На княжеском дворе слезал богатырь с коня, сам входил в палаты белокаменные. Тут поклоны вёл поучёному: на все на четыре стороны в пояс кланялся, а князю с княгиней во особицу:

— Уж ты здравствуешь, князь Владимир, на многие лета со своей княгиней со Апраксией! Поздравляю с великою победою. Хоть не случилось в ту пору богатырей в Киеве, а басурманскую рать-силу несметную одолели, повоевали, из беды-невзгоды стольный град вызволили, проторили дорогу к Киеву да очистили Русь от недругов. А в том вся заслуга Алёши Поповича — он годами молод, да смелостью и ухваткой взял. А ты, князь Владимир, не приметил, не воздал ему почести, не позвал в свои палаты княженецкие и тем обидел не одного Алёшу Поповича, а и всех русских богатырей. Ты послушайся меня, старого: заведи застолье — почестен пир для всех славных могучих русских богатырей, позови на пир молодого Алёшу Поповича да при всех нас воздай добру молодцу почести за заслуги перед Киевом, чтобы он на тебя не в обиде был да и впредь бы нёс службу ратную.

Отвечает князь Владимир Красно Солнышко:

— Я и пир заведу, и Алёшу на пир позову, да и честь ему воздам. Вот кого будет в послах послать, его на пир позвать? Разве что послать нам Добрыню Никитича. Он в послах бывал и посольскую службу справлял, многоучен да обходительный, знает, как себя держать, знает, что да как сказать.

Приезжал Добрыня в Ростов-город. Он Алёше Поповичу низко кланялся, сам говорил таковы слова:

— Поедем-ка, удалый добрый молодец, в стольный Киев-град ко ласкову князю Владимиру хлеба-соли есть, пива с мёдом пить, там князь тебя пожалует.

Отвечает Алёша Попович-млад:

— Был я недавно в Киеве, меня в гости не позвали, не употчевали, и ещё раз ехать мне туда незачем.

Низко кланялся Добрыня во второй након[1]:

— Не держи в себе обиды-червоточины, а садись на коня, да поедем на почестен пир, там воздаст тебе князь Владимир почести, наградит дорогими подарками. Ещё кланялись тебе да звали на пир славные русские богатыри: первым звал тебя старый казак Илья Муромец, да звал и Василий Казимирович, звал Дунай Иванович, звал Потанюшка Хроменький и я, Добрыня, честь по чести зову. Не гневайся на князя на Владимира, а поедем на весёлую беседу, на почестен пир.

— Коли бы князь Владимир позвал, я бы с места не встал да не поехал бы, а как сам Илья Муромец да славные могучие богатыри зовут, то честь для меня,— промолвил Алёша Попович-млад да садился на добра коня со своей дружинушкой хороброю, поехали они в стольный Киев-град. Заезжали не дорогой, не воротами, а скакали через стены городовые к тому ли ко двору ко княженецкому. Посреди двора соскакивали с ретивых коней.

Старый казак Илья Муромец со князем Владимиром да с княгиней Апраксией выходили на красное крыльцо, с честью да с почётом гостя встретили, вели под руки в палату столовую, на большое место,

[1] Во второй након — во второй раз.

в красный угол посадили Алёшу Поповича, рядом с Ильёй Муромцем да Добрыней Никитичем.

А Владимир-князь по столовой по палате похаживает да приказывает:

— Отроки, слуги верные, наливайте чару зелена вина да разбавьте медами стоялыми, не малую чару — полтора ведра, подносите чару Алёше Поповичу, другу чару поднесите Илье Муромцу, а третью чару подавайте Добрынюшке Никитичу.

Подымались богатыри на резвы ноги, выпивали чары за единый дух да меж собой побратались: старшим братом назвали Илью Муромца, средним — Добрыню Никитича, а младшим братом нарекли Алёшу Поповича. Они три раза обнимались да три раза поцеловалися.

Тут князь Владимир да княгиня Апраксия принялись Алёшеньку чествовать, жаловать: отписали, пожаловали город с пригородками, наградили большим селом с присёлками.

— Золоту казну держи понадобью[1], мы даём тебе одёжу драгоценную!

Подымался, вставал млад Алёша на ноги да возговорил:

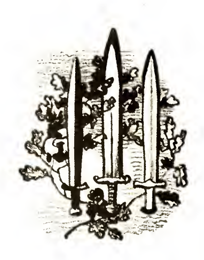
— Не один я воевал басурманскую рать-силу несметную. Со мной бились-ратились дружинники. Вот их награждайте да и жалуйте, а мне не надо города с пригородками, мне не надо большого села с присёлками и не надобно одёжи драгоценноей. За хлеб-соль да за почести благодарствую. А ты позволько, князь Владимир стольно-киевский, мне с крестовыми братьями Ильёй Муромцем да Добрыней Ни-

---

[1] Держали пона́добью — распоряжались по своему усмотрению, по своей надобности.

китичем бездано-беспошлинно погулять-повеселиться в Киеве, чтобы звон-трезвон было слышно в Ростове да в Чернигове, а потом мы поедем на заставе богатырской стоять, станем землю Русскую от недругов оборонять! — Тут Алёшенька прихлопнул рукой да притопнул ногой: — Эхма! Не тужи, кума!

Тут славные, могучие богатыри Алёшу Поповича славили, и на том пир-столованье окончился.

15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1979 году
для школьников младшего возраста
выходят следующие произведения
русских писателей-классиков и фольклора:

ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ Н. ТЕМА И ЖУЧКА.
Рассказ

ЛАСКОВОЕ СЛОВО, ЧТО СОЛНЫШКО В НЕНАСТЬЕ.
Образные слова русского народа

ПОЛОНСКИЙ Я. СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ.
Стихи

СКАЗКИ ИЗ МУРОМА.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ТРИ БОГАТЫРЯ

Былинные сказы

ИБ № 4386

Ответственный редактор Н. М. Кожемякина. Художественный редактор Е. М. Ларская. Технические редакторы Л. С. Стёпина и Н. И. Лукова. Корректор И. В. Мартынова. Сдано в набор 31.01.79. Подписано к печати 19.09.79. Формат 60×90/16. Бум. офс № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0 Уч.-изд. л. 2,94. Тираж 750 000 экз Заказ № 790. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.